

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

БОЦМАН

ПОВЕСТЬ

“Братья, образумьтесь!”

Изящные косули, спасаясь от вьедливых кровососов, лёгкими скачками взбирались по уступам на гору. Они искали продуваемую ветром площадку для отдыха. Внизу тускло серебрились в отсветах доtleвавшего заката пенные борозды речных порогов.

Одна из каменистых террас, поросшая кустиками голубики, приглянулась старой оленихе. Косули осмотрелись, процеживая трепетными ноздрями струйки воздуха. Уверившись, что опасности нет, первым улёгся беспечный молодняк. Олениха, поджав под себя ноги, легла последней.

Пережёвывая бесконечную жвачку, животные то и дело настораживали длинные уши, вслушиваясь в таинственные шорохи. Однако усталые веки всё чаще прикрывали выразительные глаза. Вскоре табунок чутко спал.

Рослый, мощного сложения самец рыси, прозванный окрестными звероловами, не раз уже безуспешно выслеживавшими зверя, за пышные бакенбарды на щеках Боцманом, давно наблюдал за оленями и теперь бесшумной тенью соскользнул по склону на террасу.

ЗИГАНШИН Камилль Фарухшинович родился в 1950 году в Башкирии, в семье офицера. Работал в геологических партиях, матросом на китобойце “Вольный”, четыре сезона — штатный охотник на соболя в отрогах Сихотэ-Алиня. Окончил факультет радиоэлектроники Горьковского политехнического института. С 1991 года — учредитель, генеральный директор предприятия связи “ШОК”. Член попечительского совета Аксаковского фонда. Заслуженный работник культуры РБ. Лауреат литературных премий им. Степана Злобина и “Имперская культура” имени Э. Володина. Автор восьми книг. Член Союза писателей России. Живёт в Уфе.

Кот уже примерялся к прыжку, как вдруг лапами ощутил необычное подрагивание горы и услышал нарастающий гул. Косули вскочили, замечаясь по площадке с тревожным шиплым блеянием.

То ли порыв ветра, то ли всеокрушающее время подточили зыбкое равновесие, и чудом державшаяся на гребне отрога каменная громада качнулась и покатилась вниз, дробясь о скальные лбы, увлекая за собой всё новые глыбы вперемешку со срезанными стволами деревьев.

Боцман шарахнулся в сторону, но край лавины зацепил его и швырнул вниз, вслед окровавленной туше косули.

Камнепад, дымясь серым облаком пыли, достиг подножия горы и, свалив прибрежные вязы, затих ошестинившимся валом на середине реки. Придавленный добела ошкуреным стволом осины, оглушённый кот лежал на краю обвальной мешанины. Грудную клетку у него зажало так плотно, что он едва дышал.

Временами к израненному зверю возвращалось сознание, и тогда начинала мучить жажда. Вода многогласно шумела прямо под ним, но была недосыгаема. Вечерняя прохлада только усилила страдания — на запах крови отовсюду со звоном слетались полчища комаров и мошки. Кот оказался погребённым под этой шелестящей крылатой массой. Тысячи безжалостных хоботков протискивались сквозь шерсть и вшивались в его кожу. И без того битое камнями тело превратилось в сгусток нестерпимой боли и жгучей чесотки.

Задыхаясь от набившихся в нос и пасть насекомых, Боцман заходился в приступах раздражающего кашля. Ему ещё повезло, что язык обвала вынес его на середину реки: в сыром прибрежном лесу, где сосущей твари куда больше, он вряд ли пережил бы эту ночь.

...К исходу третьего дня долину накрыли черногрудые тучи. На ходу вызревая, они поливали kota живительной влагой. Прохладные струи уменьшили зуд, принесли некоторое облегчение. Пленник, насколько мог, повернул голову вбок, и в таком неудобном положении ловил драгоценные капли.

Дождь шёл всю ночь и всё утро. Река вздулась, забурлила, валуны, уступая её напору, со скрежетом поползли по неподатливому каменистому дну. Высокие буруны уже лизали коту задние лапы. Ужас подступавшей смерти охватил припечатанного к обломкам пленника.

Вершина ненавистной осины всплывала вместе с прибывающей водой, и ее тяжёлый комель все сильнее плющил грудную клетку. Боцман уже почти испустил дух, когда лесина вдруг всплыла целиком и, вытягиваясь по течению, свезла его с камней на быстрину. Поток подхватил полуживого зверя и понёс, то загоняя в пучину, то вышвыривая между коряг и ошкуренных стволов. Давясь и отфыркиваясь, кот ловил редкие мгновения для вдоха.

Впереди показался скалистый прижим с черными сотами промоин. Бедолагу несло прямо на отбойное место, туда, где река бесновалась в мощных водоворотах. Один из них захватил рысь и, прокрутив с десятков раз, затынул в заполненный водой карман. Кот, теряя сознание, отчаянно заскрёб острыми когтями по отполированным стенкам и, зацепившись за удачно подвернувшуюся выемку, сумел выбраться на пологий уступ внутри грота.

Долго не мог отдышаться истерзанный зверь. Через полчаса прибывающая вода вновь настигла его и заставила отползти повыше. Здесь Боцман, не торопясь, вылизал раны шершавым мускулистым языком и осмотрелся. В конце мрачного мешка угадывался манящий свет.

Рысь приподнялась и, с трудом переставляя непослушные лапы, побрела по узкому каналу. Тьма с каждым шагом становилась всё прозрачней, и вскоре Боцман оказался на дне конусообразного провала.

Над ним неумолчно шумела промытая, посвежевшая тайга. Ветер, стряхивая последние капли, уносил взлохмаченные пласты низких туч за гребень отрога. В синие разрывы хлынули веером золотистые снопы. Блаженно жмурясь, рысь долго грелась и обсыхала на солнцепёке. Затем подкрепилась сновавшими в траве мышами и вновь принялась вылизывать гноящиеся, горящие пульсирующей болью раны.

Инстинкт предков поднял её и повёл к примечательному овражку. Его вытянутое изголовье покрывали роднички с вонючей водой и жирным целеб-

ным илом. Грязевые ванны не замедлили сказаться: язвы и раны быстро затягивались нежной кожей.

Добывал пропитание Боцман тут же, неподалёку от источника. Поначалу довольствовался пташками и мышами. А на третий день ему крупно повезло. Сопровождая взглядом промятый в податливом грунте свежий след, он заметил копошащуюся в кустах енотовидную собаку. Внезапно появившись перед ней, кот так напугал мохнатую толстуху, что та оцепенела. Придя в себя, попыталась бежать, но неловко оступилась на осклизлой колодине и, завалившись на бок, сжалась в пушистый ком, смиренно ожидая смерти.

Уже через неделю после первой грязевой ванны Боцман преобразился, вновь обрел присущий ему лоск. Надо сказать, что он был редким великаном среди своих сородичей и в то же время стремительным, как ветер. В его грозном облике особенно выделялась характерная голова: округлая и короткомордая, рот и глаза в кайме светлых ободков. Слегка вздёрнутая после схватки с молодым медведем верхняя губа, щетинистые усы и вертикальные тёмные полосы у переносицы придавали коту свирепое, беспощадное выражение, несколько смягчаемое кокетливыми кисточками чёрных волос на кончиках подвижных ушей. В мерцающем блеске бронзово-жёлтых глаз угадывалась дикая и независимая натура.

Мягкий, густо-палевый с серебристым отливом, мех украшал рассыпанный по всему телу бурый крап. Передвигалась рысь на длинных, сильных ногах легко и грациозно, но главное, совершенно бесшумно, что вместе с острым зрением, молниеносной реакцией и острейшими когтями обеспечивало ей неизменный успех в охоте.

Как-то на исходе зимы, когда удлиняющиеся солнечные дни вдохнули первый трепет жизни в оцепеневший в спячке лес, и южный берег реки оброс тоненькими сосульками, Боцман застал возле недоодеженного им зайца-беляка кошку с густыми длинными кисточками на ушах. Возмущённый кот резко зафыркал, что означало: “Как смеешь! Моё!”

Кисточка пригнула шею и отползла. Всем своим видом она как бы говорила: “Я, конечно, виновата. Но я так голодна!”

Боцман ещё поворчал для порядка, но гнев его, постепенно слабая, вскоре и вовсе улетучился. Не спеша отрывая куски мяса, он то и дело с интересом поглядывал на незваную гостью. Насытившись, лёг поодаль, милостиво разрешив Кисточке доесть зайца. Случай свёл их вовремя — наступала пора свадеб.

Любовные утехы настроили кота на беспечный лад, и, когда ветер донёс со дна долины чуть различимый звук, похожий на крик человека, он лишь ненадолго наострил уши. Млеющая в ожидании скорой весны тайга и безмятежный пересвист птах быстро заглушили тревогу. Однако спутница заволновалась и задвигала ушами.

Ветер дул приближающимся зверобоям в лицо, и, имея деревья густой летний наряд, они ещё долго продвигались бы незамеченными, но в зимней обнажённости Кисточка заметила какое-то движение в просветах между стволов.

Насторожился и Боцман. Приглядевшись, он увидел, как через разреженный прогал проскочили разношерстные собаки с крутыми баранками хвостов и молча, рыская в подлеске, начали подниматься в гору. Сами по себе собаки пугали не больше, чем годовалые волки, но Боцман знал, что в тайге за ними всегда следует человек с тускло блестящей палкой. Встревоженные кошки побежали вверх, держась крутых склонов.

Тем временем свора вышла на их “горячий” след и, разразившись азартным лаем, ринулась в погоню. Кошки поначалу легко отрывались от преследователей на своих мохнатых лапах-снегоступах, но, непривычные к длительному бегу, быстро утомились.

Вязкие, выносливые лайки быстро сокращали разделявшее их расстояние и гнали уже “по-зрячему”. Собаки теперь не лаяли, а распалённые видом беглецов, захлёбываясь, просто рыдали от страсти. Боцман знал, что они, так же как и волки, не умеют лазать по деревьям. Ища спасения, кот взлетел на огромную суковатую берёзу. Изрядно отставшая, задыхающаяся Кисточка, следуя его примеру, тоже взобралась на первое попавшееся дерево.

Появление запаренных хозяев собаки встретили невообразимыми прыжками и яростным клацаньем клыков на окружённую беглянку. Каждая из них стремилась убедить своего властелина в том, что именно она настигла и загнала свирепо шипящую добычу на развилку дерева и заслуживает в награду самый лучший кусок мяса.

Бежавший впереди охотник с рыжей бородой во всё лицо устремил палку на Кисточку. Полыхнул язык пламени, грянул гром. Кошка взвыла от пронзившей грудь боли, рванулась было по стволу выше, но обмякшие лапы судорожно зацарапали пустоту, и она полетела вниз.

Боцман, увидев рыжебородого зверобоя, вскинувшего воронёную палку в его сторону, громадным прыжком сиганул на белую перину и под прикрытием густого сихтача ушёл незамеченным. Иногда он оглядывался, надеясь увидеть бегущую следом Кисточку, но ему в морду неслись только удары грома. И невдомёк было ему, что это добивали его подругу...

Удалившись на безопасное расстояние, кот залёг в непролазном буреломе в ожидании спутницы, но она так и не появилась. С наступлением ночи он, покружив по лесу, вышел к тому месту, где их загнали на деревья собаки, и застыл в немом ужасе.

Лунный свет озарял неестественно вывернутое тело подруги — без головы и шкуры. Обнаженные мышцы с желтоватыми отложениями подкожного жира уже прихватило морозом. Вокруг на истоптанном снегу валялись обслонявленные бумажные трубочки с едким запахом дыма. Они походили на белых, с чёрными головками, червей.

Боцман несколько минут вглядывался в обезображенную Кисточку. Затем повернул голову в ту сторону, куда ушли люди и собаки. Кот не умел плакать, но его пылающие зелёным огнем глаза застлал влажный туман. Он смертельно возненавидел Рыжебородого, поднявшего на них громовую палку, и противную, мерзкую вонь от белых “червей” на снегу.

После гибели подруги Боцман как-то сник. Всё окружающее казалось ему теперь враждебным и неприветливым. Отрешившись от всего, кот часами урюмо лежал на снегу. Прежде он так и жил — одиноким, мрачным отшельником, а с Кисточкой успел оттаять, привязаться к нежной спутнице. Но её так быстро не стало...

...Однажды он удачно поохотился на косулю. Полакомившись сочным, парным мясом, Боцман завалился на спину и, лениво разметав на траве лапы, стал кататься с боку на бок, то выгибаясь, то надолго замирая.

После трапезы хотелось пить. Кот оттащил остатки косули под буреломный отвал, почистил о сухостоину когти, с наслаждением потёрся о бугристую кору и спустился, наконец, к горному ключу. Заходя в воду, вспугнул маленьких уток-чирков. Те улетели вниз по течению плотной, стремительной стайкой.

Утолив жажду, рысь укрылась от слепней под разлапистой елью. Нежась в прохладе, сытая и благодушная, она наблюдала, как вылетают из воды и с причмокиванием ловят насекомых шустрые хариусы, как по воронёной поверхности рассыпаются серебристыми молниями испуганные кем-то мальки. Внезапно откуда-то сверху лёгкой, прозрачной тенью неслышно соскользнула скопа. Слегка чиркнула по волнистой ряби переката, и в её крючковатых когтях забилась, сверкая перламутром, нерасторопный хариусёнок.

Но недолго Боцман пребывал в блаженном состоянии. С того места, где лежала косуля, послышался шум: кто-то явно терзал недоеденную тушу. Пришлый кот даже не соизволил поднять морды при появлении хозяина добычи, а только глянул исподлюбя. Столь дерзкого поведения Боцман не мог стерпеть и яростно зашипел на наглеца. Тот в ответ разинул пасть, обнажив черные выкрошившиеся зубы.

Внимательно разглядев облезлого, с прогнувшейся спиной незнакомца, кот сообразил, что перед ним совершенно дряхлый старик.

Боцман хорошо знал закон тайги — прав сильнейший, но не мог унижить себя дракой с беззубым зверем. Он просто подошёл к косуле с другой стороны, и коты, то и дело искоса поглядывая друг на друга, мирно потра-

пезничали. Вскоре пришелец насытился и, поблагодарив взглядом, удалился, а хозяин примостился подремать на выворотне. В это время к косуле, привлечённый запахом крови, приближался... медведь.

Услышав сквозь сон оглушительный хруст мозговых костей, Боцман сначала только облизывался, но довольное урчание косолапого обжоры, наконец, разбудило его. Во вспышке слепящего возмущения кот бесстрашно подскочил к грабителю и впился испепеляющим взглядом в крохотные медвежьи глазки. Напружинив лапы, он приготовился биться за свою добычу.

В ответ из широко разверзшейся пасти вырвались низкие громоподобные раскаты. Этот рёв и мощные клиновидные клыки остудили праведный гнев кота: здравый смысл ему не был чужд. В бессильной ярости и обиде закружил он вокруг мародёра, но, сознавая неоспоримое превосходство медведя в силе, отступил с притворным равнодушием.

Всё лето Боцман провёл в покое и достатке. Вольготная жизнь никем не нарушалась. Волки и медведи заставляли проявлять известную осторожность, но кот избегал лобовых столкновений. Впрочем, и те не искали встречи с ним. Каждый ходил своей дорогой, уважая права соседа.

В тайге лишь с людьми он никак не мог ужиться, хотя никогда не посягал на их интересы, а завидев, первым уступал дорогу. Эти существа всегда были агрессивны и при каждом удобном случае выпускали из своих железных палок разящий гром, к счастью, без ущерба для него.

Боцман мастерски ухитрялся не попадаться на глаза промысловикам, за что заслужил репутацию зверя-невидимки. В то же время, невзирая на печальный опыт, он не мог избавиться от присущего ему любопытства: люди манили его своей непостижимостью. По ночам кот спускался с гор то к одному, то к другому охотничьему логову и, выбрав место поукромней, подолгу наблюдал за загадочной жизнью двуногих.

Любил он ходить и по лыжному следу: ему было интересно знать, что делают охотники в его владениях. В один из таких обходов Боцман явственно уловил аппетитный запах. Неподалёку от лыжного следа под деревом парил в воздухе, слегка покачиваясь, здоровенный косой. Недоумению кота не было предела — чего это вдруг длинноухий кружится над снегом, словно птица? Коту не хотелось есть, но это его извечное любопытство...

Боцман прикинул — если встать на задние лапы, то до косого можно дотянуться. Мелкими семенящими шажками он приблизился к “летающему” зайцу и тут же отпрянул от внезапной боли: на левой передней лапе, повыше широкой ступни сомкнулись железные челюсти.

Человек, поставивший ловушку, был, конечно, искушённым в своем деле промысловиком, но он не учёл, что Боцман намного превосходит силой своих собратьев. Уже через час капкан был оторван от поводка, и рысь на трёх лапах бежала прочь от страшного места, в сторону безжизненного поля каменных россыпей, под высокие скалистые вершины, куда охотники и собаки никогда не заходили. Ловушка с обрывком поводка цепко сидела на ноге, и её тарелочка при каждом прыжке вызванивала о железную станину “тринь-дзинь, тринь-дзинь”.

Добравшись до хаотичных нагромождений обломков скалы, Боцман забрался в пустоту между угловатых глыб. Здесь, в относительной безопасности, потрясенная и измученная рысь забылась тяжёлым сном. К болезненной хватке железной пасти она притерпелась и спала на удивление долго. После сна происшедшее уже не казалось таким страшным, и кот вознамерился во что бы то ни стало избавиться от неудобной побрякушки — она саднила кость, а главное, мешала ходить.

Боцман попытался сесть, чтобы стянуть туго зажавшие лапу дуги, но пружина капкана застряла между камней. Превозмогая боль, кот задёргал ногой. Капкан, сдирая шкуру, медленно сползал, но, достигнув широкой ступни, застрял. Тогда сметливый зверь потянул лапу на себя без рычков. Верхняя доля пружины, получив упор о камень, стала прижиматься к нижней, и чем сильнее тянул Боцман, тем слабее становилась стальная хватка. Наконец дуги раздвинулись настолько, что лапа выскользнула из тугих тисков.

После этого происшествия рысь, чтобы не стать жертвой новых хитростей двуногих, удалилась на не посещаемый зверобоями голец, державно господствовавший над окрестными вершинами, и, промышляя там куропаток, жила безбедно, несмотря на свирепствовавшие ветра и трескучие морозы.

Ниже беловерхой вершины, в ельниках, стекавших зелёной лавой по горным ложбинам, обитали маленькие безрогие олени — кабарожки. Коту порой удавалось полакомиться их суховатым, но нежным мясом.

Привыкнув к тому, что на Лысой горе снежный покров нарушается лишь следами крохотных копытцев кабарги да набродами куропатов, он был крайне удивлён, когда увидел округлые вмятины рысьих следов. Дня два назад кошка — а это была именно кошка! — прошла по гребню кряжа в сторону холмистой долины.

Боцмана вдруг охватила неясная, сладостная истома. Покинув было след, он вернулся обратно и пошёл по нему не останавливаясь, ступая точно в отпечатки лап самки. Прерывистая стёжка привела на пологие увалы, где к ней присоединялись с разных сторон следы трёх котов. В разгар ночи, по резким и страстным воплям, далеко слышным в тишине промороженной тайги, Боцман нашёл всех четверых на лесистом скате. Завидев самку, он пришёл в ещё большее волнение.

Очаровательная кошечка в дымчато-серой шубке сразу определила в новичке надёжного покровителя и сама подошла к нему, не дожидаясь от него любезностей, сопутствующих церемониалу ухаживания. Счастливый Боцман, будучи вообще-то весьма молчаливым существом, от избытка чувств время от времени издавал низкие протяжные вопли. Подруга вторила ему тихим грудным голосом. Эти любовные арии, по всей видимости, доставляющие удовольствие исполнителям, заставляли замирать в страхе всех обитателей тайги.

Во время затяжной свадьбы к восхитительной Кисе пытались приблизиться новые ухажёры, но Боцман никого не подпускал к своей возлюбленной. Для этого ему даже не было нужды вступать в драку: громадные размеры и свирепый взгляд отрезвляли претендентов в женихи лучше любой затрещины.

Конец зимы выдался снежным, пуржистым; весна — стылой, затяжной. Киса готовилась к окоту, а в тайге повсюду ещё лежал сквасившийся, крупнозернистый снег. Ходила кошка осторожно и мало. Больше лежала у входа в низкую расселину и прислушивалась к толкотне котят, рвущихся из тесной утробы на волю. Они временами так буйствовали, что живот бугрился от ударов крохотных, но уже сильных лапок.

Боцман, не покинувший после любовных утех подругу, заботу о пропитании взял на себя. Оставив Кису в логове, он в очередной раз отправился на охоту. Дул тугой порывистый ветер. Ничто не говорило о весне. Только сугробы осели, да вокруг стволов протаяли ямистые лунки.

Идя наискосок к ветру, кот принюхивался к многослойному потоку запахов. Наконец он уловил то, что его интересовало: одна из струек принесла восхитительный аромат молодой лосихи.

Недолгие поиски привели его в непролазный ольшаник, на окраине которого виднелся снежный бугор, обрамлённый сухими листьями и обрывками травы. Ещё два шага, и из выбитого копытами углубления показалась бурая спина, кончики ушей.

Дремлет, не подозревает о смертельной опасности всегда чуткое животное: шум ветра заглушает шорох крадущихся шагов рыси. Длинный, упругий прыжок, и Боцман свалился на жертву, как снег на голову. Запустив страшные когти в спину и бока, он вонзил клыки в шею. Густая, жёсткая шерсть и толстая кожа помешали сразу добраться до становой жилы и шейных позвонков.

Лосиха выметнулась из убежища и, тараня грудью заросли тальника, выскочила на ноздреватый лёд. Мотая головой, она кинулась к спасительной проплешине переката. Сиганув в польню, опрокинулась на спину в расчёте подтопить кота. Забурлила, вспенилась студёная вода. Заскрежетала под зверями галька. Хлынувшая в пасть и нос вода заставила Боцмана разомк-

нуть клыки. Лосиха вскочила на ноги. Громыхнув копытами по валунам, выпрыгнула на лёд и помчалась вниз по руслу. Из глубоко прокушенной шеи хлестала пульсирующими струйками кровь. Достоинно защищалась она и вышла победителем, но вместе с кровью покидали молодое тело силы. Всё мельче шаг. И вот она, издав громкий, почти медвежий рёв, упала на лёд замертво.

Боцман вылизал испачканную шубу и подошёл к туше. Налакавшись дымящейся крови, он привёл к добыче и Кису. Знатная добыча надолго избавила супружескую чету от хлопот о пропитании. Тем не менее Боцман, как образцовый семьянин, к вечеру следующего дня опять отправился на охоту, с тем чтобы побаловать Кису свежениной. Подкараулив беляка, он заспешил к хозяйке.

Подходя к логову, кот услышал тонкий писк. “Это ещё что за гости?” Приглядевшись, Боцман различил копошащиеся между лап супруги крохотные мохнатые комочки. Киса осторожно освободилась от них и жадно набросилась на тёплую зайчатину. Малютки, а их было трое, без матери забеспокоились и завозились, неуклюже выпутываясь из переплетения лап, голов и коротких хвостиков.

Утолив голод, Киса подошла к Боцману и долго тёрлась лбом о заросшую бакенбардами щёку, выражая благодарность и безмерное материнское счастье, переполнявшее её.

Крохотные наследники, необыкновенная нежность Кисы побуждали Боцмана к неутомимой охоте. Как-то, принеся в зубах ещё живого беляка, он оставил его на площадке перед входом в расселину. Косой временами брыкался. Подросшие котята, в детских почти белых шубках, разминая длинные нескладные ноги, с восторженным урчанием выбежали и закрутились вокруг уползавшей добычи. Блестящие глазёнки рысят впервые загорелись огнём настоящих хищников, но тут совсем некстати полил дождь. Холодные капли остудили воинственный пыл юных охотников, и они отступили в убежище.

Боцман накрыл продрогших детёнышей мохнатыми лапами. Котята согрелись и задремали. Однако ненадолго. Быстро пустеющие желудки побудили перебраться под бок матери, каждый к своему любимому соску.

Сытость и тепло вновь вызвали у них желание порезвиться. Снаружи всё крапал дождь. В таких случаях котята взбирались на отца, чьё громадное туловище являло собой великолепную игровую площадку. Они прыгали, ползали, скакали по нему, с яростью трепали, а Боцман переносил потехи шалунов с родительской снисходительностью.

...Мерзкая, хлябистая весна творила своё чёрное дело — тайга изо дня в день пустела, лишаясь своих обитателей. Наконец сплошной войлок туч истончился, разошёлся широкими голубыми разводами, открыв, впервые за весну, истомившееся в заточении тёплое и яркое солнышко.

Боцман с Кисой, задёрганные требовательными воплями ослабевших котят, не дожидаясь сумерек, вышли на охоту вдвоём. Скоро они задавили косявого беляка. Киса тут же на месте съела его почти целиком и поспешила к голодным детёнышам.

Доев остатки, кот последовал за ней. Супруга металась почему-то перед входом в расселину. С надеждой глянув на Боцмана, она исчезла в логове. Тут же выбежала обратно и опять заметалась по площадке между кустов. Встревоженный отец заполз в убежище. Котят там не было. Не веря своим глазам, он обшарил все углы, но напрасно — рысята исчезли. Бедные родители обегали все окрестности, но не обнаружили ни единого следа, хоть как-то объяснявшего пропажу.

Многоопытный Боцман знал, что в период со времени таяния старого снега до появления нового охотники исчезают из тайги. Несколько месяцев её обитатели живут спокойно. Обладатели железных палок словно дают им возможность вырастить потомство. И, тем не менее, он был склонен винить в пропаже детёнышей именно людей.

У кошек не хватило сообразительности по одинокому перу беркута на площадке и клёкоту на дальней скале догадаться об истинном виновнике ис-

чезновения котят. А дело было так: оголодавшая, так же как и кошки, за долгое ненастье чета беркутов вылетела из гнезда в поисках корма для своих прожорливых птенцов. Паря над тайгой, беркут-отец издали заметил выбравшихся на солнышко котят. Он ещё долго кружил в небе над пяточком перед логовом, пока не уверился по поведению несмышлёншей, что они одни, без охраны родительских клыков. Беркут камнем пал на землю, поразив когтистыми лапами двух рысят и убив ударом клюва третьего.

Безрадостно протекало лето. Киса, особенно первые недели, заслышав звуки, даже отдалённо напоминающие голоса котят, очертя голову бросалась на поиски, а никого не найдя, подолгу с отсутствующим видом сидела на земле, сутуло вобрав в плечи округлую голову. Ничто не интересовало её в такие часы. Если Боцман настаивал, она послушно брела за ним, участвовала в охотах, но всё это без желания и присущего ей прежде азарта.

Когда поздней осенью свора собак обнаружила их, Киса впервые не подчинилась Боцману и не последовала за ним в крутобокие сопки. Почти сразу, как заслышала погоню, вскарабкалась на первое попавшееся дерево и равнодушно наблюдала за бесновавшимися внизу лайками. Подоспевшие охотники почему-то не стали выпускать разящий гром из палок, а подвели на длинном шесте петлю из жёсткой капроновой веревки и, уловив момент, затащили её на передней лапе кошки. Затем стащили шинящую рысь на чуть припорошенную снегом землю, накинули сверху толстое ватное одеяло и, удерживая рогулинами, туго спеленали.

Боцман ночью спустился с горных отрогов и, не найдя подруги, по следам звероловов к утру вышел на окраину леса, обрывавшегося в сотне метров от береговой линии. Дальше, за рекой, на пологом увале виднелись безликие в предракетной мгле жилища людей.

Оставаясь под прикрытием деревьев, кот послал призывный клич и через мгновение услышал в ответ радостный горловой вопль Кисы. Он доносился из середины первого ряда домов, примыкавших огородами и банями к реке. Обмениваясь резким вяканием, кошки вконец переполошили деревенских псов, и Боцман счёл благоразумным не дразнить их больше. Тем более, что теперь он знал, где искать Кису...

Баба Галя, спускаясь к проруби за водой, подняла голову и неожиданно для себя увидела громадную рысь. Бросив ведра, она опрометью пустилась бежать к дому, всполошила соседей, и вскоре вся деревня гомонила о коварной рыси, которая напала на бабу Галю, но то ли промахнулась, то ли она успела надеть ей на голову железное ведро. Главное, баба Галя, слава Богу, жива, а рысь осталась голодной и караулит на речке новую жертву. Кто посмелее, особенно мальчишки, ходили ватагой за огороды и глазели на дерзкого разбойника, стоящего на противоположном берегу реки с высоко поднятой головой.

Охотники с лайками уже неделю как разъехались по участкам — начался промысловый сезон. Охранять деревню остались одни бестолковые дворняги. Перепутанные бабки направились к местному зверолову Ивану Михайловичу Карпенко. Но он уехал в лесничество созваниваться с областной базой “Зооцентра”, чтобы заказать машину для отправки отловленной рыси.

Когда женщины выходили из его избы, с реки донеслось громкое и резкое “Вау-у”. Киса в ответ радостно откликнулась из сарая. Заскочив обратно в сени, бабё излило свой испуг и застарелое недовольство на хозяйку дома.

— Вот ловит твой рысей, медвежат, волчат, а звери-то, вишь, какие наглые в отместку стали. Ни за водой сходить, ни детям покататься. Прошлый год медведица допекала, а ноне рысь...

— Занятие ваше нам всем на погибель, — добавила высокая старуха, — штраф на вас надо за такое.

— Оно верно, штрафом надо проучать, — охотно поддержали остальные.

— А ну вас к ляду, — отмахнулась хозяйка и ушла кормить скотину.

— Вот и толкуй с такой. Пошли, бабоньки, к Егору, он рысь стрельнет, не промахнётся...

Смертельная опасность нависла над Боцманом. Он видел, как очередная ватага направилась через огороды к реке. Но насторожило его не столько приближение людей, как то, что у каждого из них в руках была громовая палка. Старики между тем вышли на обрывистый берег и стали целиться в рысь. Встревоженный Боцман, не оглядываясь, потрусил под защиту деревьев. Вокруг коротко прогудели шмели, и ступни ощутили резкие удары по промерзшей земле. Следом докатились раскаты грома.

Кот обернулся и успел даже разглядеть людей, окутанных клубами серо-жёлтого дыма, в этот миг его насквозь прожгла боль. Превозмогая её, он огромными махами попытался достичь спасительно черневшего пихтача, но, не дотянув каких-то пять-шесть метров, рухнул в снег.

Мужики, постреляв для верности ещё, перешли речку и окружили зверя. Вытянувшийся в последнем прыжке во весь рост, он казался особенно громадным.

— Это сам Боцман и есть. Отбегал наш великан, — не то с удовлетворением, не то с сожалением произнёс дед Тимофей.

Восхищённо оглядывая богатую шубу и пробуя пальцами остроту кривых когтей, удачливые охотники задымили самокрутками. Самый старый в их компании дедушка Антон присел на корточки и, кряхтя, стал искать, куда угодила пуля.

— Навылет прошла, — заключил он и, отгибая шерсть, продемонстрировал кровоточащие с двух сторон раны.

— Ой, чё это?! Мужики, тихо! Кажись, сердце тукает. Во-во. Ещё раз. Так он живой!

Охотники вскинули ружья.

— Антон, отойди! Очухается, задерёт когтищами. Отойди, тебе говорят. Вмиг упокоим.

— Да погодите. Совестно как-то... И хорош больно! Жалко красоту такую кончать. Давайте к Карпенко свезём. Можя, выходит да сдаст на свою звериную базу. Пушай городские нашим Боцманом полбуются.

— Кончай, дед, канитель поповскую разводить. Добить и точка!

Тут донеслись звонкие голоса: “Ну что, убили?”

К охотникам подбежали запыхавшиеся пацаны.

— А кровящи-то!.. Мировой котяра!

Антон, воспользовавшись заминкой, снял ремень с ружья и туго обмотал задние лапы рыси. Мужикам ничего не оставалось, как помочь связать и передние.

— Ребята, давай быстро сани...

Лёжа в тёплом, рубленом сарае на душистом сене, Боцман ощутил лёгкое поглаживание. Вслед, по шкуре, пробежал приятный озноб. Чудилось, что рядом сидит Киса и ластится. От блаженства кот хрипло заурчал и попытался сладко потянуться, но пробитое тело откликнулось острой болью. Боцман открыл глаза. Кто-то тёмный сидел перед ним.

Человек!!!

Волна блаженства сменилась волной ледящего страха. Боцман попытался вкочить, чтобы защищаться, однако лапы были стянуты путами. Но даже не будь их, ослабленный большой потерей крови, он всё равно не смог бы встать на ноги. От ощущения полной беспомощности его обуял ужас. Оскалив зубы и глухо зарокотав, он вжал голову в сено и исподлобья следил за каждым движением человека.

— Не бойся, дурачок, — успокаивал густой басовитый голос. — На, поешь... Тебе надо есть, иначе не поправишься, — человек протянул нанизанный на пруттик кусок мяса. Чтобы не стеснять зверя, он отодвинулся, и Боцман смог разглядеть двуногого. Ничем не примечательный. Скорее даже невзрачный. Только на лице, обрамлённом мшистой рамкой седоватой бороды, выделялся длинный, причудливый, похожий на клюв хищной птицы, нос. Но это сходство не придавало его лицу выражения враждебности. Напротив — делало добродушным. Ни одним движением человек не обнаруживал намерения причинить зло или боль.

— Ешь, ешь, дружок, ешь, — с этими словами Крючконос плавно приподнялся и, мягко ступая, вышел.

Боцман внимательно огляделся. Он лежал в бревенчатом логове с крохотным окном. Терпко пахло навозом. За дощатой перегородкой протяжно и шумно вздыхали корова и телка. Они, уже привычные к часто меняющимся грозным соседям, не обращали на рысь внимания: то и дело шуршали сеном в кормушке, постукивали копытами.

Повернув голову, кот чуть не уткнулся мордой в куски мяса, лежащие на доске. В горле першило от сухоты. Он осторожно взял было соблазнительный шмат в зубы, но недоверие к человеку перевесило: в последний момент раскрыл пасть, и мясо упало на подстилку.

С двуногими существами Боцман связывал только боль и смерть. Поэтому был несколько обескуражен поведением Крючконоса, но не сомневался в том, что и он скоро проявит своё коварство. От томительного ожидания бесславного финала к вечеру его трясло, как в лихорадке. Нервы и мускулы вибрировали, словно туго натянутые струны. Ослабленный перенапряжением и потерей крови, кот, в конце концов, забылся в тревожной дремоте, так и не притронувшись к еде.

Переделав домашние дела, Михалыч заглянул к пленнику. Увидев, что мясо не тронуто, укоризненно покачал головой.

— Так, брат, дело не пойдёт. Так ты никогда не поднимешься. Надо, дружок, поесть, обязательно надо поесть, — и опять настойчиво протягивал мясо на кончике ветки.

Человек долго сидел с Боцманом. Говорил успокаивающим, завораживающим голосом, уверенно гладил по спине. Потом смазал раны на груди чем-то прохладным, пахнущим грязью таёжной лечебницы. И опять этот странный человек не причинил ему боли. Напротив, его прикосновения были приятны.

Ночью, когда беспрестанное хлопанье дверей и другие непонятные звуки стихли, Боцман с горечью вспоминал события последних дней. Мог ли он предположить, что жизнь столь круто переменится и он окажется во власти человека!

Внезапно совсем близко раздался призывный горловой вопль. У Боцмана даже дух занялся. Не может быть! Это же Киса! Кот откликнулся ликующим — “Вау!”.

Подруга отозвалась не менее восторженно. От их переключки во дворе поднялся злобный лай, и рыси, дабы прекратить собачью брехню, умолкли.

У Боцмана всё пело в груди: “Киса жива! Она где-то рядом”. Но он так слаб, что не может не только прийти к ней на выручку, но даже самостоятельно встать на ноги. Надо срочно набираться сил.

В один из дней хозяйские псы, воспользовавшись тем, что дверь по недосмотру осталась открытой, проникли в сарай и набросились на связанного кота. Но Крючконос сердитыми окриками выгнал их, а особенно разбушевавшегося кобеля посадил на цепь.

Боцман был поражён — человек не только не позволил собакам растерзать его, а наоборот — защитил от заклятых врагов. Тщетно пытался кот разрешить эту загадку. Она была ему не под силу. С этого момента Боцман окончательно поверил Крючконосу, и отношение к людям у него перестало быть столь однозначным, как прежде. Он даже начал на свой лад делить людей на “добрых”, вроде Крючконоса, и “злых”, вроде Рыжебородого, убившего Кисточку. Понятливые лайки после хозяйской взбучки крепко усвоили, что рыси на их подворье — особы неприкосновенные. Но тем не менее не упускали случая порычать на кошек исподтишка.

Наконец, пришло время, когда Боцман сам поднялся на ноги.

— Замечательно! Какой ты молодец! — воскликнул Крючконос, увидев рысь стоящей на лапах. Лицо зверолова светилось неподдельной радостью. — Ещё немного отъешься, и повезём тебя в город.

На дне холодных и бесстрастных для несведущего человека рысьих глаз Михалыч уловил отклик понимания.

Зверолов успел привязаться к Боцману. Много зверей прошло через его руки, но такого умницы он ещё не встречал. Постоянно и подолгу разгова-

ривая с ним, Михалыч чувствовал, как приоткрывается какая-то таинственная заслонка, и кот начинает понимать смысл его слов и жестов. А когда зверолов после трёхдневной отлучки зашёл в сарай проведать подопечного, то был удивлён тем, с какой демонстративной обидой отвернул от него голову гордый кот.

Пошёл четырнадцатый день заточения. Кот совершенно оправился от ран и вновь обрёл грозный вид. Хорошая форма подопечного вдохновляла Михалыча. Ему пора было заняться отловом соболей, но он не мог уйти в тайгу, пока не сдаст рысей. Оставлять же их под присмотром жены зверолов побаивался — всё-таки хищники, мало ли что... Да и мяса на них не напасешься.

Зообаза с вывозом что-то медлила. Зверолов нервничал. Наконец пришла радиограмма. Из её текста явствовало, что машина будет через день, но без клеток. Михалыч, поругивая далёкое начальство, не мешкая отправился на пилораму договариваться насчет досок. Он торопился ещё и потому, что надо было успеть зарезать бычка и, воспользовавшись оказией, повыгоднее сдать мясо в городскую столовую.

Вечером жена сообщила ему, что из тайги вышел Потап — его двоюродный брат. Жил он через дом, и зверолов решил сходить, чтобы узнать, не случилось ли что — вышел-то брат во внеурочное время. Обычно охотники появлялись в деревне лишь под самый Новый год, да и то дня на два — четыре.

Пока одевался, в дверь постучали, и в избу ввалился упредивший его Потап. Огненно-рыжая борода промысловика засияла при электрическом свете, словно хорошо надраенный медный котёл.

— Братан, покажь котяру. Старик говорит, самого Боцмана пригрохнули.

Вооружившись фонариками, мужики вошли в сарай. Рысь под бесцеремонным прицелом слепящих “глаз” отвернула морду и угрожающе заворчала.

— Ну, хватит, Потап.

— Сдавать будешь?

— Да, послезавтра приедут.

Не попрощавшись, Потап зашагал к калитке. Хозяин недоумённым взглядом проводил его и, спохватившись, крикнул вдогонку:

— Чего из тайги так рано? Случилось что?

— Да так, дела, — неопределённо отмахнулся тот.

На следующий день Михалыч с конюхом привезли с пилорамы на санях большой щелястый ящик, сбитый из пахнущих смолой золотистых досок. Набросали в него сена и, не закрывая дверку, подтащили вплотную к сараю, в котором томилась Киса.

— Иди, иди, — негромко скомандовал ей зверолов. Кошка послушно перешла в клетку. Удивлённый конюх не удержался:

— Эва! Убей меня деревом! Как это ты такую власть заимел?

— Через ласку. Ежели принуждать, силой гнуть своё, зверь только злобится.

Клетку закрыли, передвинули по снегу к сараю, в котором держали Боцмана, и оставили там. Зверолов, жалея любимца, не стал перегонять его в холодный, тесный ящик до прихода машины. Тем более что процедура эта не должна отнять много времени — Боцман наверняка сам забежит к подруге. Главное, не дать Кисе выскочить из клетки. Для этого Михалыч приготовил и тут же примерил, вставляя в щели между досок на разной высоте, несколько жердей.

Когда он занимался этим, хлопнула калитка, и подошли два соседских мужика. Боцман слышал, как вывели из хлева бычка, как он коротко взревел, и вскоре по двору загулял запах горячей крови, парного мяса. Крючконос на бегу заглянул к нему и бросил тёплой свеженины.

Калитка захлопала чаще. Раздавались всё новые и новые голоса, теперь большей частью женские. Кот прислушивался к оживлению с нарастающей тревогой, но как ни силился, не мог связать воедино значение происходящих событий.

Из дома, между тем, полились приятные переливчатые звуки. Это деревенский музыкант заиграл на гармошке. Рысь впервые слушала музыку. Она

ласкала слух и завораживала даже сильнее, чем говор Крючконоса. Потом в доме затопали, красиво многоголосо завывли. Кто-то вышел на улицу, остановился у клетки с Кисой.

— У, зверюга! — Человек смачно сплюнул. — Не мне ты попалась! Где тут твой недобитый кавалер?

Дверь к Боцману приоткрылась. С шипением вспыхнул огонёк, и кот увидел рыжебородое лицо убийцы Кисточки. Пахнуло едким запахом белых, с черной головкой “червей”. Этот запах-воспоминание перекошил морду Боцмана гримасой ненависти. Кот ощерился, издал громогласное “Ваа-у-уу”. Обнажившиеся клыки блеснули, словно стальные пики.

При виде разъярённого дьявола мужество мгновенно оставило пьяного Потапа, или, как его за глаза звали деревенские, Жилу. Он пулей вылетел из сарая, схватил увесистый кол, подпиравший дверь клетки с Кисточкой, и, вернувшись обратно, жестоко отходил им привязанного Боцмана.

Полный мстительного упоения Рыжебородый вышел во двор и увидел... рысь. С воплем: “Оторвалась, спасайтесь!” — он влетел в избу. Там поднялся невообразимый гвалт. Перепуганный Жила, пуча глаза, выкрикивал что-то нечленораздельное. Его переспрашивали, но в шуме ничего нельзя было разобрать.

Боцман, обзлётный унижением и чувством бессилия перед обидчиком, в ярости рвал ремень. Толстая брезентовая лента не поддавалась. Снова и снова опрокидывала она кота на спину. Ошейник врезался в горло, перехватывал дыхание. Рванувшись с разгону в очередной раз, Боцман услышал треск и с лету ударился головой в стену. В следующее мгновение кот вскочил и сиганул в распахнутую дверь. На поленице дров он увидел Кису, отбивавшуюся от наседавших собак. Осатаневший Боцман сшиб с ног ближнюю, на ходу сомкнул челюсти на загровке второй и, не обращая внимания на остальных, бросился с подрутой через задворки к vzdымавшемуся за рекой спасительному лесу. Не прошло и трёх минут, как они оказались в родной стихии.

Ни собаки, ни хмельные хозяева не решились на ночную погоню. Высыпав во двор, они с суеверным страхом, с примесью невольного восхищения, ахали и грозили кулаком в черноту ночи: “Ну погодите, бестии!”

Забравшись высоко в горы, Боцман с Кисой, наконец, прилегли на снежную перину среди высоченных кедров. Тесно прижавшись друг к другу, они тихо уркали от счастья встречи и обрётённой свободы. Им приветливо светила огромная, в тёмных вмятинах луна...

В разгар промыслового сезона бригада звероловов вновь наткнулась на следы неразлучной пары. Заслышав брехню лаек, рыси стронулись с лёжки и пошли самыми непроходимыми кручами к истоку ручья. Но Михальч, досконально изучивший рысьи повадки, всё это предвидел. Он пустил по следу лишь трёх собак и одного охотника, а сам с напарником и шестью собаками поджидал кошек на узком переходе, который им сложно было миновать.

Расчёты бригадира оправдались. Рыси вышли чуть ниже места засады. Промысловики спустили зверовых псов. Разразившись оглушительным лаем, они вмиг окружили ошеломлённых беглецов.

Здоровенный кобель бросился на Кису, целя прямо в горло. Боцман рванулся наперерез и едва успел подставить плечо. Опрокинув пса, он распорол ему когтями брюхо. Визжа от боли, собака покатила по кручи. Воспользовавшись заминкой, кот устрояюще шипящим комом пролетел сквозь свору и помчался огромными махами навстречу двуногим. Лайки кинулись за ним, а сметливая Киса припустила во весь дух в противоположную сторону.

Увидев мчащуюся прямо на них огромную рысь, звероловы оторопели. Напарник Крючконоса вскинул ружье. Боцман слышал, как Крючконос что-то крикнул ему и громовая палка опустилась. Тем временем кот пронёсся мимо побелевшего, как снег, Крючконоса и скрылся в ельнике...

Бригадир окликнул лаек, но две самые азартные и отчаянные не подчинились и продолжили погоню. Определив по лаю, что собак мало, Боцман затаился за вывороченным деревом. Вымахнув преследователям наперерез,

он оторвал ухо одной и разодрал бок у другой собаки. Поджав хвосты, посрамлённые псы пустились наутёк.

К исходу дня Боцман разыскал Кису. Они опять были вместе.

Однажды, выйдя на место пересечения своей постоянной тропы с лыжной колеёй, звери уловили соблазнительный запах рябчика, а вскоре увидели его самого, неподвижно сидящего на снегу. Боцману показалось, что от лыжни к птице ведут аккуратно присыпанные лунки. Эти намёки на след наполнили его сердце смутным предчувствием. Всё говорило о том, что рябчика лучше не трогать, обойти стороной.

Кот дал понять о своих опасениях подруге, но ей нестерпимо хотелось есть, и она не устояла перед возможностью полакомиться белым мясом лесной курочки.

Несколько минут спустя по её телу разлился и стал проникать во все органы жгучий огонь. Киса, тяжело дыша, присела. Эта перемена подтвердила предчувствия Боцмана. Он принялся нетерпеливо подталкивать подругу, побуждая её быстрее покинуть подозрительное место. Но бедняжка вдруг повалилась на снег и забилась в частых и резких судорогах. Напряжённая спина прогнулась дугой. Невидимая чудовищная сила всё загибалась и загибалась её так, что голова в конце концов коснулась хребта и затрещал позвоночник. Из пасти Кисы потянулись тягучие струйки слюны, зрачки глаз неестественно расширились, лапы мелко задрожали.

Кот с тревогой наблюдал за страданиями подруги, не представляя, чем ей помочь. В какой-то миг Боцман заметил, что её страдальческий взор, устремленный до этого на него, как бы опрокинулся и стал погружаться вглубь широко раскрытых зрачков.

...Киса давно стихла, а Боцман всё сидел рядом, всё тыкался в её плечо, тщетно пытаясь поднять и увести отлежаться в безопасном месте. Когда тело кошки стало таким же холодным, как снег, кот, наконец, понял, что его спутница никогда уже больше не встанет. И он ушёл... Один...

На снегу осталась лежать очередная жертва, принесенная “старшим братьям” только для того, чтобы со временем украсить женские плечи красивой рысей накидкой.

Потеряв Кису, Боцман впал в состояние тупого отчаяния. Он ничего не ел — тоска убила в нём голод. Через несколько дней он вернулся к Кисе, но на том месте, где оставил её, обнаружил лишь ненавистных вонючих “червей”.

* * *

Прошло четыре года. Всё это время обладатель поседевших бакенбардов жил урюмым отшельником. Впрочем, если бы он и пожелал обзавестись подругой, то не смог бы исполнить это желание по причине того, что все его соплеменницы за это время были либо отравлены, либо отловлены. Более того, Боцман остался вообще одним-единственным представителем своего вида в этом совсем недавно богатом рысями крае.

От собак и охотников ему не стало житья. Тайга, казалось, была пронизана смертью. Одиноким громадный кот сделался желанной добычей всех окрестных зверобоев.

Их профессиональное честолюбие будоражили легенды о подвигах знаменитого кота, о его дьявольской хитрости и изворотливости. Эта репутация была вполне заслуженной: частые стычки со зверобоями многому научили Боцмана.

Но более всего стремление добыть исполинского кота подогревалось тем, что рысьи шкуры в эти годы вошли в моду и цена на них невероятно подскочила. А красивый окрас и размеры шубы Боцмана в любом случае сулили немалые барыши. Тем более что вездесущие скупщики забирались в самые отдалённые деревушки и назначали баснословное вознаграждение.

К тому же любому охотнику лестно было занять и череп Боцмана. Величина отпечатков лап кота давала уверенность в получении за такой череп

не только золотой медали на выставке охотничьих трофеев, но и побитие всех прежних рекордов.

Боцману, конечно, было невдомёк, обладателем каких опасных достоинств является он, но то, что люди настойчиво добиваются его смерти, для него было совершенно очевидно. Их жестокая воля неотступно преследовала его.

Постоянное напряжение развило его наблюдательность до совершенства, а великолепная память помогала не повторять ошибок. Благодаря этому ему удавалось оставлять с носом самых бывалых промысловиков.

Временами на Боцмана накатывала тоска по обществу себе подобных. Она нарастала, терзала сердце. И тогда кот, дабы заглушить муки одиночества, принимался вопить так, что обитатели окрестных гнёзд и нор цепене-ли от ужаса.

Очередной сезон близился к завершению, но никто из зверобоев так и не смог вынуть из котомки и развернуть перед скупщиком роскошную шубу Боцмана.

С приближением весны вместе со снегом таяли и надежды на знатную добычу. А тут ещё случилась невиданная, затяжная оттепель. Надулись нежные пуховички на прибрежных ивах. Ледяная броня на набухающей реке разошлась в трещинах и стала пористой, белой, как сахар. Похоже было, что лёд тронется намного раньше срока.

В эти дни из самого центра прибыл лихой скупщик и назначил за шкуру рыси такую цену, что все аж присвистнули. Наиболее азартные и охочие до денег и обещанной выпивки зверобои решили объединиться и провести облаву артельно. Тому, кто добудет кота, половину цены, а остальное — поровну на всех участников.

Обсудив, кто и где в последний раз видел следы рыси, определили район поисков, а в тайге по свежим отпечаткам на расквашенном снегу сузили его до одной столообразной лесистой горы. Она тянулась перпендикулярно к реке и обрывалась в неё неприступной стеной.

Разбившись на пять групп, зверобои охватили гору вытянутым полукругом и, пересидев ночь в укромных ложбинах, поутру, в назначенный час, стали подниматься по снежной хляби.

Боцман отдыхал на стволе поваленного кедра, когда дремотную тишину глухольсы нарушили сначала гортанные крики ворон, а затем внезапно возникший сплошной треск. Зародившись в глубине леса, он быстро перемещался к нему. Чуткое ухо уловило сквозь него отдалённый лай опостылевших собак. Кот встрепенулся. Вскоре мимо пронеслось, круша всё на своём пути, стадо лосей. Лай приближался. Боцман тяжело вздохнул. За долгую зиму в нём успела накопиться усталость от этих вечных бегов. Эх, быстрее бы сошёл снег! Тогда на несколько месяцев придёт долгожданный покой. Но до этих времён ещё надо дожиться... Кот без лишней суеты и паники размахист-то припустил на противоположный склон.

Уходил спокойно, так как был уверен, что узколапым псам по расквашенному снегу не настичь его. Но вскоре услышал встречный лай. Что делать?! Боцман побежал по косой, с намерением найти проход у дальней оконечности горы. Однако и там уже мельтешили в просветах леса собаки, за ними люди.

Кот в смятении остановился. Один вырвавшийся вперёд двуногий находился на расстоянии чуть более ста метров. Тренированный глаз охотника засёк притаившуюся в кустах рысь, и он вскинул громовую палку. Боцман сразу признал стрелка — это был Рыжебородый. Быстрее прочь!

К отступлению оставался единственный путь — река, но как спуститься к ней по отвесной стене? В это время вокруг прожужжал густой рой смертоносных “ос”. Две из них впились в тело, третья резанула левое ухо. Стреляя зверобой пулей — несдобровать бы нашему коту, но Жила, не отличаясь меткостью, предпочитал бить снопом картечи. Однако в этот раз расстояние оказалось слишком велико для убойного выстрела. Хотя две картечины и вошли в зад, они застряли в мякоти, не причинив большого вреда.

Боцман отпрыгнул за ствол дерева. Что делать? Набатный лай и выстрелы приближались. Сейчас кольцо сомкнётся, и тогда...

Кот рванул изо всех сил к реке — своей последней надежде.

До обрыва коту оставалось совсем немного, когда не только сзади, но и слева, и справа стали выкатываться пёстрыми комьями собаки с крутыми серпами хвостов. Увидев уходящую к реке рысь, крайние ринулись на перехват.

Боцман растерянно остановился — его лишали последнего шанса на спасение. Тайгу заливал лай сомкнувших кольцо собак. За их спинами громыхали выстрелы, и слышались радостные возгласы людей, свист пуль. Всё, не уйти! Обложили намертво. Кот увидел свою смерть так ясно, что шерсть на загривке поднялась дыбом, но сдаваться было не в его правилах.

Выбирая удобную для боя позицию, он вскочил было на макушку протаявшего из-под снега выворотня, лежащего у края глубокого провала, как вдруг, ещё не понимая смысла своего безрассудства, неожиданно скатился, обдираясь о сучья стволов, нагромождённых на крутых скатах, вниз к устью огромной воронки.

Лайки, порывисто дыша, обступили край провала и злорадно облаивали запертую в ловушке рысь.

Подбежавшие зверобой открыли стрельбу по светлым пятнам на дне провала, пока кто-то не образумил:

— Всю шкуру продырявим. Если жив ещё, и так никуда не денется.

Эти слова прозвучали сигналом. Все расслабились. Азарт спал. Охотники вдруг почувствовали, как устали и проголодались.

— Чаю бы попить — во рту пересохло, мочи нет, — предложил заросший щетиной Глеб.

— Да что чай?! Кота надо брать!

— Вот уж не скажи. Чай вещь стоящая. Чай — он живость даёт. Подойдёшь, бывало, с покляжей к горе. Посмотришь — ни в жисть не одолеть. Костерок наладишь, крепкого запашистого заваришь, выпьешь кружку и взберёшься на одном дыхании до самой верхотуры, — убедительно возразил самый пожилой из них, Тихон.

— Верно говоришь. Коту теперича некуда деться. Не грех и чайком побаловаться, со вчерашнего на сухомятке.

Промысловики сноровисто развели костерок и, подвесив котелок со снегом, обменивались, как обычно, впечатлениями. Больше всех заливался рыжий Потап:

— Видали, как удачно я зацепил. След сразу закровил. Знать, сильно — вишь, аж в яму свалился, окаянный. Сколько промышляю, а такой хитрошей твари не встречал. Ведь столько лет нас дурачил.

— Ну, ноне ему крышка!

— Всё же жалко, мужики. Как-то без рыси в тайге не того... Вроде как пресновато. Это все равно что щи без капусты или баня без пара.

— Да народятся ещё, али понавезут откуда, расселят, ежели нужный зверь...

Почаёвничав, возбуждённые предвкушением знатной добычи, охотники спустились на верёвках по более свободному от валежин склону провала Потапа и Глеба.

Достигнув dna воронки, те долго и осторожно лазили с ружьями наизготовку по шатающимся угловатым глыбам, заглядывали под них и, наконец, чертыхаясь, поднялись с помощью поджидавших товарищей наверх.

— Ушла, гадина. Под камнями лаз. Из него дует, как из трубы. Похоже, где-то выход есть, — оправдываясь, бормотал Глеб. Потап же, ни слова не говоря, направился к береговой круче.

Боцман за это время уже проник по узкому каналу в сумрачный грот и в конце горловины увидел реку, подтопленный внешней водой противоположный берег. Внизу в метре от края кармана плыли, скрежеща по изодранному прижиму, разнокалиберные льдины.

Всё правильно. Кота не обмануло смутно мелькнувшее воспоминание: это был тот самый провал, через который он спасся во время наводнения много лет назад.

Не теряя времени, рысь наметила подходящую льдину и, когда та поравнялась с чёрным зевом, прыгнула на неё. Льдина упруго качнулась и понеслась по отбойной стремнине.

Но что это за резкий, drobный стук вокруг? Острый осколок льда больно ударил по нижней губе, и тут уже сверху донёлся грохот. Оглянувшись, Боцман увидел на отвесной береговой круче человека с громовой палкой. Рыжебородый! Нигде нет от него спасения!

Не дожидаясь очередного выстрела, кот сиганул в студёный поток. Вода разошлась двумя искрящимися крыльями брызг. Боцман на пару секунд погрузился в изумрудную толщу, а вынырнув, поплыл рядом с льдиной.

Рысь ещё несколько раз слышала резкие хлопки, булькающий посев по воде, щелчки по льду, но и они вскоре прекратились. Коченея, Боцман вскарабкался обратно на лёд и обернулся. Силуэт охотника мелькнул последний раз и исчез за надвинувшимся отрогом. Река, делая крутой поворот, уже затягивала Боцмана в теснину длинного ущелья, туда, где его караулил каскад бесноватых порогов.

Долго они швыряли, вертели его под рёв будто бы тысячи медведей. Оглохший кот распластался на льдистой броне, намертво вцепившись в неё когтями-крючьями. Несколько раз льдину дыбило, окатывало мощными водяными валами. Но, видно, судьба решила и на этот раз пощадить рысь.

Наконец, ревучий поток прорезал гранитный кряж, и изрядно потрёпанная посуда успокоилась. Её то и дело пронесило вблизи берега, и Боцман не раз уже порывался покинуть хрупкое, ненадёжное пристанище, но всё недоставало смелости. Наконец, он успел запрыгнуть на угловатую, подрагивающую от бешеного напора плотину и, не задерживаясь, проскакал по напряжённо вибрирующим обломкам на берег.

На земле он зябко отряхнулся. Шатаясь от усталости, поднялся на мысок и повалился на подсохший пяточок земли. “Неужели несчастья этого сумасшедшего дня остались позади, и теперь можно спокойно полежать?!” — говорили всё ещё не верящие в спасение его глаза.

Боцману следовало, наверное, завопить что есть мочи, дабы известить тайгу о своём невероятном избавлении от гибели, но бедный кот не то что вопля, даже стона не в состоянии был издать. Ноющая боль в задней части тела напомнила о метком выстреле Рыжебородого. Вылизав зад, Боцман обнаружил две ранки. “Ничего, бегать можно, а к боли притерплюсь”, — примерно так оценил своё положение несокрушимый кот.

Опасаясь преследования, Боцман отступил в каменные дебри высоких гольцов. Здесь ещё властвовали морозы, и чахлые деревья поутру наряжались в густые шубы из искристого куржака.

Ни зайцы, ни косули не обитали в этих суровых местах. Боцману пришлось довольствоваться одними белыми куропатками. Но они, непуганые и доверчивые, с каждым днём становились всё осторожней, и кот вскоре был вынужден откочевать в средний пояс гор.

Раны не заживали, а, наоборот, воспалились до такой степени, что задние ноги отказывались служить. Боцман с каждым днём хирел. Все свои несчастья искалеченный кот связывал с человеком и его паскудными прислужниками — собаками. Когда он вспоминал о них, в нём разгоралась жажда мести. Это по их милости он лишён радости настоящей охоты и сейчас голодает, хотя повсюду бегает и летает желанная дичь. Увы, она теперь недоступна ему.

От плохой и скудной пищи Боцман стал похож на облезлую, запаршивевшую кошку. Ребра от худобы выпирали, словно согнутые весенним паводком ивовые прутья. Угловатый таз и острые лопатки горбами торчали из-под вытершейся шкуры. Молодецкие бакенбарды совсем обвисли и имели вид пожухлой травы. Пустой желудок разрывали болезненные спазмы.

Чувство голода временами было столь острым и нестерпимым, что кот принимался глотать кору и откусывать, словно заяц, верхушки веточек. Но не такая пища нужна была ему. Организм жаждал мяса.

Иссохший, похожий на мумию, Боцман тем не менее и тут приспособился. Смирив гордыню, он стал неотступно следовать на безопасном расстоянии за добычливой стаей волков и перебиваться скудными объедками от их пиршеств.

Рано начавшаяся, но затянувшаяся весна наконец-то вступила в свои права. Снег второй раз за эту весну сползал с южных склонов прямо на гла-

зах. Вновь вспенились, загремели притихшие было речки. В каждом, даже самом крохотном, распадке залопотали ручейки, проклюнулась и резко пошла в рост трава.

Большой кот безошибочно находил на склонах сопок растения, изгоняющие хворь. Поедая их, он стал поправляться и набираться сил. Зарубцевавшиеся раны, правда, ещё беспокоили, но уже не пульсирующей острой болью, а непродолжительными ноющими приступами.

Боцман опять охотился, не зная промаха. Точность прыжков и сила челюстей не оставляли намеченной жертве никаких надежд. Озлобленность угасала. Совсем недавно каждая его клетка требовала мщения за перенесённые страдания и несчастья. Теперь это чувство вытеснялось наслаждением от вернувшихся сил и сопричастности ликованием расцветавшей под лучами щедро солнца тайги. Тем более что настала та благодатная пора, когда запах двуногих надолго выветривается из неё. Кот без опаски спустился с гор и поселился в долине Главной реки, где водились косули, да и зайцев здесь было заметно больше.

Как-то, дождавшись темноты, Боцман стал подниматься в поисках пропитания по долине ключа. Пройдя от устья шагов двести, он упёрся в едва заметную даже вблизи преграду — туго натянутую капроновую сетку. Перегораживая весь распадок, она оставляла узкий проход лишь возле отвесного склона.

Учёный всякими уловками людей кот надолго замер, прислушиваясь и принохиваясь, а когда решил, что опасности нет, осторожно шмыгнул в открытый проход. Но не успел он сделать и трёх шагов, как сбоку громыхнуло, и его оглушил удар по голове. Когда Боцман пришёл в себя, то почувал в воздухе запах пороховой гари. Опять эти люди! И летом не стало спасения от них.

Его спасло то, что самострел настораживался в расчёте на часто проходивших здесь оленей. Пуля лишь скользнула по затылку, срезав полоску кожи.

Медленно накапливающаяся усталость от постоянного, назойливого преследования человеком должна была в конце концов вылиться либо в беспощадную месть, либо в поиск недоступной для людей глухомани. Покладистый, уравновешенный Боцман выбрал второй путь и двинулся на северо-восток, в лесные дебри, не тронутые опустошительными пожарами.

Пройдя морщинистое нагорье и перевалив через безжизненную громаду Главного хребта, Боцман начал спускаться по серым сланцевым уступам высокой гряды в неведомый доселе край. Кота давно мучила жажда, и, наконец, он услышал шум падающей воды.

Мощный ключ бугристым фонтаном бил прямо из щели между скальными плитами. Пробежав совсем немного, вода плавленным серебром срывалась вниз и летела в сиянии радужной пыли, медленно разделяясь в воздухе на сверкающие гроздья.

Налакавшись прозрачной, как слеза, влаги, рысь спустилась в обширную маристую равнину, обрамлённую зубцами далёких гор, и сразу попала в буйные заросли травы, такие густые и высокие, что они скрывали длинноногого кота целиком. Пройдя их, он углубился в тесную, перестойную чащу. Прощеженные густыми ветвями пучки солнечных лучей едва освещали проходы между сучкастых стволов елей и пихт, обвешанных косматыми бородами лишайника.

В этом непроницаемом, насыщенном влагой, несмотря на двухмесячную сушь, лесу царила мертвая тишина. Застоявшийся воздух был насквозь пропитан гнилостными испарениями. На земле повсюду валялись трухлявые стволы, обомшелые сучья. Между ними поблескивали чёрные оконца затхлой воды.

Расступаясь, чащоба открывала непролазные болотины с густой сетью озерков, разделённых мшистыми перемычками. По ним Боцман перебирался до очередной лесистой гривы. Здесь, на открытых пятачках, подсушенный мох хрупко проминался, и лапы утопали в нём, будто в молодом замороженном снегу.

Кот всё шёл и шёл к неведомой цели, обходя по гривкам вязкие трясины. Редкий зверь заходил сюда — каждый неверно сделанный шаг сулил стать последним: бездонная топь цепко хватала и засасывала неосторожных в свою утробу. А если кто и забредал в эти гиблые, бесприютные места, то старался как можно быстрее выбраться и уйти в горы.

Боцман, же, упорно придерживаясь выбранного курса, пересекал очередную, несчетную гриву, как вдруг деревья поредели и за широкой марью с тонкоствольным редколесьем его взору открылся массив высоких останцев чисто-белого цвета. Под их усеченными вершинами, спускаясь по террасам, контрастно зеленели вкрапления леса.

В центре торжественно возвышалась главная и когда-то, должно быть, весьма высокая гора, распавшаяся со временем на несколько близко стоящих столбов причудливой формы. Перейдя марь, Боцман решил обследовать иссечённые временем скалы.

На покато́м приступке у одной из них он обнаружил покосившееся бревенчатое логово людей, укрытое от посторонних взоров неподвижно дремавшими на солнцепёке разлапистыми кедрами. Плоская земляная крыша топорщилась опрятными ёлочками, запустившими корни в толстые, полуистлевшие плахи перекрытия. В углу над тем местом, где когда-то была печь или очаг, крыша и вовсе обвалилась. Стены обросли мшистым ковром, особенно густым понизу. Из оконного проёма настороженно выглядывала чахлая берёзка.

Между бронзовых стволов были перекинута почерневшие от времени жерди. С одной из них свисали на ржавых цепях железки. От ветра они раскачивались и тугуче позванивали. Возле покосившейся двери белели остатки скелета собаки с полусгнившим ошейником вокруг шейных позвонков.

Ветер выносил из логова странный, незнакомый запах. Он смущал, тревожил Боцмана, и хотя его разбирало любопытство, интуиция подсказала о таящейся в этом запахе угрозе. Постояв немного, кот оставил становище людей и стал подниматься по лесистому проёму между известковых столбов. Он разделял их как бы на две группы. Откуда-то сверху, прыгая по камням, званивал ручеёк. На деревьях виднелись заплывшие задиры. Кот принял их за медвежьи метки, но это были старые затесы, сделанные топором.

Изъеденные ветрами и дождями белые столбы имели многочисленные уступы, карнизы, тесные проходы, которые рыси обожают и лазают по ним с особым удовольствием. И сейчас, запрыгнув на огромный ребристый обломок, Боцман перебрался на узкий карниз, змеей опоясывающий самый внушительный столб-башню. Поднимаясь по нему, он достиг небольшой террасы, покрытой белыми валунами и скудными пучками жёсткой травы. Тут же, под скальным козырьком, похожим на загнутое крыло, чернел лаз. Войдя в него, кот оказался в сухой пещере. Её дно устлала невесть как попавшие сюда листья, мох. Справа возвышался настил из грубо обтёсанных плах с грудой шкур поверх. Слева в нише стояли чёрные доски, тускло мерцавшие в полумраке золотистыми и красными мазками. Из глубины пещеры шёл противный, всегда таящий угрозу запах железа. Чтобы не искушать судьбу, Боцман вернулся на террасу и, прыгая с уступа на уступ, взобрался на вершину горной цитадели.

Вокруг неё во все стороны простирались поля топких марей, непролазные буреломные крепи, разделённые зеркалами болотин. Всё это обрамляли цепи синих гор. За ними, где-то далеко на западе осталось поселение ненавистных ему охотников. Битый жизнью Боцман вздохнул свободно, всей грудью — необозримая глушь вселяла покой.

Новое пристанище, надёжно защищённое от людей самой природой, было тем, к чему так упорно шёл он как бы по подсказке из глубины поколений. Кот удовлетворённо почесал грудь когтистой лапой и лёг подремать. Упрямая складка на лбу расправилась, на морде заблуждало подобие улыбки.

Несколько дней ушло на обследование новых владений. Вскоре Боцман убедился, что здесь он не пропадёт — дичь была в изобилии.

Кот перестал бродяжничать и всё время держался Белых скал. Утолив за время ночной охоты голод, он забирался на неприступные столбы и часами лежал там, сладко жмурясь на припёке.

Неумолимое время неумоимо отсчитывало: день-ночь, день-ночь... Лето хирело. Деревья тронула кисть осени. Следом ударили заморозки, опять приближалась та снежная пора, когда тайга заполняется охотниками, с утра до вечера гремят выстрелы, надрываются собаки.

Кот опасался, что и бревенчатое логово под скалой недолго будет пустовать. Он не знал, да и не мог знать о том, что покой Белых скал защищают не столько топкие и непролазные дебри — они зимой не преграда, сколько дурная слава, прочно закрепившаяся за этим местом с незапамятных времён.

Людская молва гласила, что в этих скалах обитают злые духи, охраняемые кровожадной стаей волков-оборотней. В награду за верную службу духи заманивают в скалы путников и отдают их на растерзание оборотням. Поэтому даже бывалые охотники остерегались сюда забредать.

Девятнадцатая для Боцмана зима пересекла границу самой длинной ночи, и настала пора сильных морозов. За месяцы, проведённые в Белых скалах, кот стал забывать свои прежние страхи и беды и медленно выходил из постоянно напряжённого состояния. Ограниченные пределы каменного острова уже не устраивали его, и он стал спускаться на впадину, забираясь с каждой вылазкой всё дальше и дальше. Благо, топи промерзли, а буреломы занесло снегом.

Наконец настал день, когда след ночного бродяги достиг складчатых отрогов, за которыми дыбились изрезанные ущельями горы, такие громадные после Белых скал, что у Боцмана даже дух захватило. Легко поднявшись на первый предгорный увал, он остановился поражённый: перед ним тянулася бесконечная двойная колея — след зимних ног человека.

Настороженно прислушиваясь, кот окинул взглядом тайгу: спокойно кормится на берёзе стайка рябчиков; весело шныряет сойка. Ничто не говорило о близости двуногих.

Боцман помнил, как легко и приятно ходить по плотно накатанной колее: снег на ней не проминается и не рассыпается, но он не забыл, какую смертельную опасность может таить эта коварная тропа, и, несмотря на усталость, благоразумно перепрыгнул через лыжню и пошёл дальше в избранном направлении по целине.

Не обнаружив в горах ничего примечательного, он повернул обратно. Когда приблизился к парному следу уже в новом месте, то чуть не наступил на белого “червя” с вонючей чёрной головкой. Так же пахло возле ободранной охотниками Кисточки! От этого воспоминания приглушенная и, казалось, забытая ненависть к людям вновь ожила и зашевелилась в сердце Боцмана.

Он пошёл вдоль следа на достаточном расстоянии и вскоре увидел большую снежную кочку с куском мяса в углублении. Кот знал, что это привлекательное сооружение — западня, поэтому поспешил удалиться. На гребне увала его внимание привлекли резкие удары. Они неслись со стороны ключа. Подойдя поближе, кот увидел логово двуногих. Боцман затаился и стал наблюдать. Вот дверь запахнулась, и показался человек. Спускаясь к ключу, он скрылся из виду. Когда же вновь появился из-под берегового обрыва с охашкой дров, изумлению Боцмана не было предела — он узнал в охотнике своего заклятого врага — Рыжебородого. Того самого, кто убил Кисточку, жестоко истязал его самого. Волна ярости, нарастая с каждой минутой, охватила рысь.

Рыжебородый ещё несколько раз выходил и заходил обратно в логово. Потом из трубы с напором повалили клубы дыма. Боцман тем временем углядел свернувшегося под большим навесом чёрного с белыми пятнами пса и вознамерился прикончить его, но опыт подсказывал, что сейчас не лучшее время для исполнения этой затеи: меть лучше вершить в метель, скрывающую все следы.

Путано-петляющим следом он вернулся в Белые скалы и не покидал их, пока внутренний барометр не подал ему сигнал: ночью снегопад!

Когда Боцман подобрался к стану промысловика, уже стемнело, а на тайгу обрушились первые снежные заряды. Над логовом метались в дыму недолговечные “красные мухи”. Собака лежала на своём месте и, казалось, спала. Но, как только кот подкрался на расстояние прыжка, она приподня-

ла морду, и их взгляды скрестились. Пес оглушительно залаял, хлопнула дверь, гроыхнул выстрел.

Перепуганный Боцман поспешил раствориться в белой кутерьме. Прошедшее не обескуражило его, а ещё раз напомнило, что успех сопутствует терпеливым.

В следующий визит кот был осмотрительней и выжидал подходящего момента, зарывшись в снег до глубокой ночи. Неслышно ступая лапами, опущенными густой, жёсткой шерстью, он невидимой тенью приблизился к собаке вплотную. На этот раз она едва успела испустить предсмертный вопль.

Утром хозяин долго звал, искал пса, пока не обнаружил его застывшего под толщей обильно выпавшего снега. Тридцать лет охотился Жила, но вот так, прямо у зимовья, лайка погибла у него впервые.

“В тайге всякое бывает, — рассудил он. — Но почему пса-то не съели?” — шевельнулась в голове беспокойная мысль.

Прошло дней десять, и у Боцмана опять появилось желание досадить Рыжебородому. Теперь он положил глаз на строение, возвышавшееся поодаль от стоянки на четырёх гладких столбах. Оно напоминало логово охотника, только было раза в три меньше.

Кот попытался взобраться на лабаз по столбу, но безуспешно — мешала жестяная “юбка” в его верхней части. Остальные три столба тоже были опоясаны тонким металлом. Боцман не растерялся — залез на стоящее поблизости дерево, прошёл по ветке и спрыгнул прямо на крышу лабаза. Затем через прогал между крышей и стенкой протиснулся внутрь.

Всё это время его дразнил и будоражил запах, заставлявший забыть всякую осмотрительность: из лабаза пахло ненавистными лисами. Найдя их, Боцман с остервенением набросился и разодрал в клочья рыжие шубы с пышными хвостами. Затем та же участь постигла стяннутые в пачки шкурки зайцев и белок. Вонючих норок, колонков и соболей брезгливый кот не тронул. Зато распотрошил коробки с хрупкими длинными палочками и тускло поблёскивающими мелкими камушками. Разодрав куль с искристыми кристалликами, переключился на мешки с белым, похожим на пыль, марким порошком. Куски мороженой лосятины не тронул — был сыт.

Завершив погром, удовлетворённый зверь соскочил вниз и умчался в свою цитадель под прикрытием пурги, свободно разгулявшейся на открытом пространстве мари.

Жила проснулся поздно. Уже светало. Непогодь стихла, но снега успело надуть до середины окошка. Поразмыслив, промысловик решил сделать передых: прежние следы замело, а новых ещё нет — зверьки отлёживаются, ждут, пока снег осядет, уплотнится.

Растянувшись на шкурах, он укрылся ватным одеялом и, закутив махорку, стал с удовольствием прикидывать, сколько заработает в этом сезоне и как нынче распорядится вырубкой. Уже одиннадцать лет он промышляет на этом участке, и всегда с фартом: пушнина хватало и для плана, и для скушников ещё столько же, а иной сезон и поболее оставалось.

Прежде эти уголья пустовали. Все отказывались от них. Говорили, что рядом с рекой куда удобней: продукты и снаряжение до ледостава прямо на лодке можно завозить, по горам не надо таскать. На самом же деле мужики страшились близости поганого места. Как-то, ещё до войны, пытался промышлять здесь один отчаянный, да так и сгинул бесследно.

Сойдясь с пройдохой-скушником, Потап быстро сообразил, что сулит левая сверхплановая пушнина, но на прежнем участке взять её было трудно и к тому же опасно — то и дело заходят соседи, да и охотовед за сезон раза два обязательно нагрянет с проверкой. Пораскинув мозгами, он сказал сам себе: “Или пан, или пропал — рискну!” — и добавил для успокоения: “Бог не выдаст — рысь не съест”.

Новые охотничьи уголья в первый же сезон превзошли все ожидания. Через пять лет оборотистый деляга устроил ему в городе кооперативную квартиру. Правда, и ободрал он Жилу тогда до последнего хвостика, но квартира того стоила. Потом организовал самую дорогую модель “Жигулей”. А вот с подземным гаражом сперва осечка вышла, но и это дело недавно по-

правилось. И теперь Жила, вот уже второй год, собирался рассчитаться с госпромхозом и пожить, наконец, в своё удовольствие, но каждый раз надвигались всё новые и новые расходы, и приходилось опять тащиться в тайгу на промысел. Да и жалко было бросать хорошо обустроенные путики. К главной охотничьей магистрали — реке — Жила давно прорубил, расчистил тропу и по ней с осени на лошадях завозил всё необходимое для жизни и промысла.

Время близилось к обеду. Потоп, поживаясь, встал. Настраивал щепы от смоляка. Затопил печь, продавил в ведре корочку льда, налил в кастрюлю воды и поставил её на плиту рядом с чайником. Потом, расчистив площадку у двери зимовья, прокопал траншею к лабазу.

Забравшись наверх по приставной лестнице, он окаменел: пушнина — труды многих дней, была превращена в лохмотья, пересыпанные мукой, сахаром и гречкой.

“Как же так! Откуда такая напасть на мою голову?” — убито прошептал он.

Разбирая остатки пушнины, Жила немного успокоился. Самое ценное — соболя, норки, а главное, личный заказ скупщика — три выдры, были целы.

“Кто мог так напакостить? — ломал голову промысловик. — Зверю по столбам сюда не влезть. Разве что медведь, но тот спит, да и лабаз не разрушен. Неужели... волки-оборотни?” — вспотев от этой мысли, он с опаской посмотрел в сторону Белых скал.

С этого дня в Жилу вселился суеверный, почти панический страх. Из зимовья не то что на промысел, даже за дровами или водой он выходил неохотно, с трудом преодолевая гнёт кошмарных сцен, разыгрываемых воспалённым воображением. Ходил по лыжне, постоянно озираясь. Всюду: и в древесных наростах, и в причудливых изгибах стволов, и в разросшихся кустах — ему чудились затаившиеся оборотни. Он изводил заряды в любой подозрительный силуэт, на любое едва заметное движение, любой сомнительный звук. Страх всё усиливался, не отпуская ни на минуту. В конце концов доведённый до отчаяния Жила наметил завершающие обходы, чтобы снять ловушки, рассторожить пасти. Начал с нижнего путика.

Шёл тяжело, весь словно скованный ожиданием беды. Ружьё не выпускал ни на секунду. Даже добычу из ловушки ухитрялся вынимать одной рукой и, как привороженный, всё поглядывал на Белые скалы, уверенный, что беда нагрянет именно оттуда.

А когда налетел и завыл в дуплах ураганный ветер, он уже не сомневался в неотвратимости расплаты за покушение на покой этих мест. Чёрные деревья, казалось, задвигались, угрожающе скрипя, замахали ветвями-лапами. Напряженное состояние последних дней достигло предела. Жила совершенно потерял самообладание. В этот момент одна улежавшаяся снежная глыба, сорвавшись с толстого сука, пронеслась прямо перед его носом и чуть не выбила из рук ружьё. Охотник сжался от ужаса. Попятившись, прилип спиной к стволу и, широко раскрыв глаза, оцепенело уставился на разломаченный шлейф дыма. Вид быстро несущихся со стороны ключа чёрных клубов медленно выводил Жилу из прострации. Когда до него, наконец, дошло, что может так дымить, он, позабыв обо всём, помчался к стану. На бегу пытался вспомнить, хорошо ли закрыл поддувало, убрал ли от печки смолистые щепки. Весь мокрый взлетел на гребень, откуда хорошо видно зимушку, и, о ужас, — на её месте бесновался красный венец пламени.

Жила, с разрывающим нутро воем, упал на снег и забился в истерике. Он был сражён не столько видом полыхавшей зимушки (чёрт с ней — всё равно больше не охотиться), сколько сознанием того, что вот так глупо сгорели все его труды — остерегаясь повторного налёта на лабаз, Жила перенес пухлые связки пушнины в зимовье...

Рысь, во время очередного визита к Рыжебородому, обнаружила на месте его логова чёрный круг земли с покореженной железной печкой посередине да обледелую топанину следов. От неё уходила одинокая парная колея.

Ни весной, ни летом никто не нарушал покоя и величественности здешних мест. Боцман вольно жил в царстве Белых скал, ощущая себя самой важной

частью этого светлого, прекрасного мира. Иногда он проходил по главной тропе Рыжебородого и с удовольствием отмечал, что она потихоньку зарастает и освежается лишь оленями да медвежьими следами.

Как-то в один из душных июльских дней кот блаженно посыпал на обдуваемой ветерком вершине останца и не видел, что разбросанные по горизонту мрачные тучи сошлись в обнимку, незаметно пожирая небесную синь. По мере приближения к Белым скалам они проседали от зреющей в них грозной силы всё ниже и ниже.

Проснувшись, кот заметил перемену в погоде и, поскольку мокнуть не хотел, припустил к сухому логову. Но налетевшая тугим шквалом гроза догнала и накрыла его водяной завесой. Спящий излом молнии с оглушительным треском вонзился в каменный шпиль совсем рядом. Перепуганный кот сиганул вниз. Прямо перед ним в угловатый валун вошёл ещё более мощный разряд. Вскоре молнии, скрещиваясь, забили со всех сторон почти беспрестанно. От их грохота, казалось, скалы заходили ходуном.

Кот, вздрагивая от каждого удара и почти оглохнув от раскатистых разрядов, судорожно заметался по залитым потоками воды глыбам. Поскользнувшись, он угодил в узкий разлом, а когда выкарабкался из него наверх, вспышка нестерпимо белого света обожгла глаза, и он провалился в черноту.

Очнувшись, Боцман открыл глаза, но непроницаемый мрак не рассеялся, хотя кот явственно ощущал на себе ласковые лучи солнца. “Как же так? Солнце светит, а вокруг такая тьма, какой и ночью не бывает?” Кот поднялся и попытался идти, но тут же ткнулся носом во что-то твёрдое. Недоумённо пошарив лапой, он обнаружил впереди себя каменную стену. Попробовал обойти её, но куда бы он ни пошёл, всюду упирался в камни. Бедняжка остановился в растерянности. Такого с ним ещё не бывало. Стало очевидным, что во время грозы с его глазами что-то произошло, и теперь ему предстоит жить во мраке вечной ночи.

Сидя на шершавой плите, он никак не мог взять в толк, в каком месте Белых скал находится. Велушиваясь в доносящиеся звуки, кот уловил внизу гул ожившего после ливня ручья, невдалеке перешёптывались густые гривы кедра. Таких ориентиров в Белых скалах хоть отбавляй. И тут до его слуха донесся металлический перезвон. Это раскачивались ветром железки у покинутого людьми логова.

Теперь Боцман сориентировался, где он, и, осторожно “осматривая” лапой путь, через проём выбрался на тропу, по которой ходил сотни раз. Здесь он помнил каждый кустик, каждый поворот, каждую валежину. Убедившись, что память не подводит и вовремя предупреждает о преградах, кот несколько прибодрился и зашагал быстрее.

Напившись из ручья, лёг в траву. Лежал долго. Отрывистые картины всплывали в памяти и мелькали перед его мысленным взором одна за другой. Безжалостная судьба не щадила его с первых дней появления на свет. Зубами и когтями выбирался он из любых переделок и наперекор всему продолжал крепко стоять на ногах. Жизнь, а точнее, люди редко давали ему передышку. Вновь и вновь они безжалостно прогоняли его сквозь череду непрерывных испытаний, но он, всё более закаляясь, неизменно выходил победителем. И вот сейчас, когда в его тяжёлой судьбе всё образовалось наилучшим образом, — такой жестокий удар! Как жить незрячему? Как охотиться? Даже мыши, и те — недоступная теперь добыча.

Рядом устроили разноголосую переключку железки: “Тринь-тринь-дзинь”. Этот мелодичный звон неожиданно породил дикую, сумасшедшую идею: Крючконос! Добрый Крючконос! Он вернул ему жизнь много лет назад. Он не поднял на него громом разящую палку в тайге! И он наверняка сумеет выручить его и сейчас.

Эта отчаянная надежда захватила кота. После непродолжительных сомнений он решительно встал и, отыскав на ощупь тропку, тянущуюся к заброшенным владениям Рыжебородого, отправился в трудный путь.

По зелёному покрову топкой мари Боцман брёл медленно, с особой предусмотрительностью — знал, что по обе стороны тропы разбросаны коварные выбуны. Несмотря на чуткий шаг, зверь часто спотыкался, поскользны-

вался, но, к счастью, все падения завершались благополучно. К вечеру кот добрался до подножья гор и перешёл на тропу промысловика.

Пасшиеся в устье первого распадка олени, увидев рысь, встрепенулись, но она, к их изумлению, почему-то прошла мимо, не задерживаясь. Недоверчивая олениха ещё долго поглядывала велед, но коту было не до них. Он был целиком подчинён стремлению добраться до Крючконоса и вернуться с его помощью из мира тьмы в мир света.

Шёл Боцман долго. Путь, который прежде преодолевал за трое суток, затянулся. Тем более что, не имея возможности подкрепляться, он быстро утомлялся и часто останавливался для отдыха.

То и дело устремляя невидящий взор в сторону селения и постоянно пригнувшись, прислушиваясь, кот наконец подошёл к месту, где тропа круто спускалась к речному перекату. Похрустывая галькой, он преодолел его и взобрался на береговой взлобок. Теперь надо пройти по выпасу с обкусанными кустами до одинокой, широко разросшейся на приволье, белоногой берёзы. Всё верно, вот и она — шелестит нежной листвой. Боцман даже вздохнул от облегчения — отсюда уже совсем близко до логова Крючконоса.

Войдя в деревню, кот слышал, как из дворов выбегают собаки, но он не устрашило продвигался вперёд, гордо вскинув голову, обрамлённую седыми бакенбардами. Громадная рысь шествовала в окружении лаек с таким видом, словно совершала рядовой обход своих владений. Справа, страшась собственной смелости, залиvisto твякая, вынеслась кривоногая дворняжка. Остальные собаки шли сзади молча, словно понимая, что тут что-то не так и не время сотрясать воздух пустой брехнёй.

Раздались изумлённые возгласы, испуганные крики. Боцман напряжённо вслушивался в них в надежде выделить голос Крючконоса. Вот и знакомый бухающий лай соседского кобеля, сидящего на цепи.

Кот не мог видеть, как распахнулось окно в доме его давнего недруга, как Рыжебородый вскинул ружьё и поймал в узкую прорезь прицела убойное место, как прокуренный палец привычно лёг на спусковой крючок...

Камиллю Зиганшину — 60!

***Сердечно поздравляем нашего автора с юбилеем!
Желаем всех земных благ и добрых светлых книг.***

Коллектив “НС”

